

О.Ф. ХАЙРУЛЛИНА

ЖЕНСКИЕ ШЕЙНО-НАГРУДНЫЕ УКРАШЕНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОСТЮМА

Институт истории и социологии
Удмуртского государственного университета,
г. Ижевск

olenbka93@bk.ru

O.F. KHAIRULLINA

WOMEN'S NECK AND BREAST ADORNMENTS OF THE FINNO-UGRIC AND TURKIC PEOPLES OF THE URAL-VOLGA REGION AS A SOURCE FOR RECONSTRUCTION OF THE ARCHAEOLOGICAL COSTUME

Institute of History and Sociology
of Udmurt State University,
Izhevsk

Аннотация

Изучение аксессуаров костюма древнего населения Волго-Уральского региона (в том числе Среднего Прикамья) в раннем железном веке – средневековье не представляется возможным без обращения к этнографии финно-угорских и тюркских народов, издавна проживающих на данной территории. Статья посвящена систематизации одного из ярких атрибутов женского традиционного костюма – шейно-нагрудным украшениям мордвы, марийцев, удмуртов, чувашей, татар и башкир – и является важным этапом на пути к атрибуции, интерпретации и реконструкции близких по функциям археологических предметов. Для традиционных шейно-нагрудных украшений выполнена общая классификация, выделено семь самостоятельных категорий украшений. Особое внимание уделено «нагруднику» как этнографическому понятию, а также вопросам его генезиса и эволюции у некоторых народов Урало-Поволжья.

Ключевые слова:

этнография, археология, Урало-Поволжье, финно-угорские и тюркские народы, женский костюм, шейно-нагрудные украшения, нагрудники

Abstract

The costume of the ancient population of the Volga-Ural region cannot be studied without reference to ethnographic materials of such modern Finno-Permian and Turkic ethnic groups as Mordivins, Chuvash, Mari, Udmurts, Tatars and Bashkirs. The paper deals with the systematization of women's neck and breast adornments of the listed peoples and represents a major step towards the attribution, interpretation and reconstruction of similar archaeological artifacts. A general classification of traditional neck and breast adornments was carried out. Seven independent categories were distinguished: single-row or multi-row simple neck and chest necklaces, neck «collars» and neck-breast necklaces with a narrow («ribbons») or wide («breastplates») organic base, shoulder belts and chest buckles. Particular attention was given to the ethnographic concept of «breastplate», its genesis and evolution in the Volga-Ural region. The general term includes such items of predominantly female costume as a chest band, adornments and a cloth breastplate with similar functions of the previous products. But the origin of such items may be different. Archaeological analogues of breastplates should be interpreted as adornments. All types of «breastplates» were preserved by the Tatars and Bashkirs and partly by Finno-Ugric ethnic groups (for example, Zakama Udmurts and Eastern Mari people). Variations in the types of «breastplates» among Finno-Ugric clothing of the Volga-Ural region can be explained

by borrowing. But it is impossible to exclude the independent origin of such items.

Keywords:

ethnography, archaeology, the Ural-Volga region, Finno-Ugric and Turkic peoples, female costume, neck and breast adornments, breastplates

• **Введение**

При изучении одежды и аксессуаров населения раннего железного века – средневековья Волго-Уралья¹ археологам приходится обращаться к этнографии современных финно-угорских и тюркских народов региона порой в качестве единственного источника реконструкции археологического костюма. Возможность такого сопоставления отчасти объясняется схожими условиями обитания древних популяций и современных этносов, близостью их хозяйственно-культурных типов, а также исторически сложившимися этнокультурными и генетическими связями. Последние на сегодняшний день убедительнее всего реконструируются с помощью лингвистики, выводы которой указывают на явное преобладание языковых предков финно-угорских народов в лесной полосе Восточной Европы как минимум в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. [1, с. 22 – 63].

Использование этнографических материалов в археологических исследованиях без опоры на другие источники сопряжено с известными рисками. Однако именно «живая» культура способна дать ответы на многие вопросы, которые возникают при работе с археологическими предметами. В этой связи чрезвычайно важным становится ознакомление со всем спектром традиционных шейно-нагрудных украшений, истоки которых могут быть прослежены в более ранних источниках, в том числе археологических. Общие категории и типы таких украшений у разных народов, возможно, объясняются существованием в прошлом неких общих прототипов. Особого внимания заслуживают наблюдения этнографов о способах ношения украшений, их соотношении с одеждой, а также выводы о происхождении и эволюции данных аксессуаров костюма. Семиотическая природа вещей со всеми вытекающими из нее знаковыми функциями [2, с. 75 – 76, 79], очевидно, была присуща и археологическим украшениям. Раскрыть ее вряд ли получится без обращения к «живым» этнографическим фактам. Но весь «потенциал» этнографии для атрибуции, интерпретации и реконструкции археологического материала на этом не исчерпывается. Следует, однако, помнить о границах между «живой» и «мертвой» культурой: прежде всего, археологический и этнографический костюмы разделяют сотни, а то и тысячи лет. В этом случае реконструированная древняя культура окажется лишь абстрактной моделью прошлого, приближенной к реальности насколько это возможно.

¹ Используемые в данной работе термины «Урало-Поволжье» и «Волго-Уралье» употребляются как синонимы. Оба понятия достаточно широко применяются в различных науках, но до сих пор не имеют четкой дефиниции. Как правило, под ними понимаются Средний и Южный Урал, Среднее Поволжье.

Цель работы – систематизация шейно-нагрудных украшений финно-угров и тюрков Урало-Поволжья – мордвы, марийцев, удмуртов, чувашей, татар, башкир² – как один из этапов на пути к осмыслению близких по функциям археологических предметов. Выбор этнографического материала обусловлен в первую очередь научными интересами автора, которые связаны с реконструкцией женского археологического костюма населения Среднего Прикамья III – V вв. н.э. (и шире – синхронных лесных культур Волго-Уралья). Кроме того, перечисленные выше народы с давних времен проживали в едином экологическом пространстве, объединены общим историческим прошлым и общностью элементов культуры [3, с. 5 – 11; 4, с. 8]. Их национальные костюмы, включая украшения, на сегодняшний день лучше всего освещены в этнографической литературе. В качестве сопоставительного материала также заслуживают внимания исследования по украшениям ряда народов Сибири [5].

• **Методика исследования**

В публикациях, посвященных рассматриваемой проблематике, деление всех украшений обычно производится по способу ношения; шейно-нагрудные выделяются в особый отдел с подразделением на группы по месту фиксации на теле – шейные, шейно-нагрудные, нагрудные, чересплечные украшения [6, с. 23 – 25, 211, 212, прил. I; 7, с. 17]. Данный принцип положен в основу настоящего исследования (таблица). Далее весь материал был разделен на категории (с конкретизацией для некоторых украшений на виды и подвиды) по технике изготовления. Способы создания украшений были различны: путем нанизывания материалов на нить, проволоку, конский волос, плетение, нашивание на основу – холст, кожу, луб [8, с. 3]; вещи на матерчатой основе вышивались либо украшались аппликацией и т.д. В соответствии с целью работы основное внимание уделено более высоким уровням классификации украшений, нежели их типам / подтипам. Также в общую таблицу введены еще два признака, связанные с покроем одежды (в частности, с устройством ворота рубахи) и украшениями, – «архаичный» и «модернизированный» крой (таблица). Для первого характерно использование белого домотканого холста, туникообразный крой первого или второго подтипов рубах, по Б.А. Куфтину, простой глубокий грудной разрез, который необходимо чем-то прикрыть или зацепить, использование вышивки; для второго применялась пестрядь или фабричная ткань, крой рубахи модифицирован (проймы, кокетка на груди, оборки на подоле и т.д.), нагрудный разрез с планкой и (или) застежкой на пуговицах, имеет невысокий воротник, вместо вышивки использовались ленты, позумент и т.д.

• **Результаты и их обсуждение**

Шейные украшения фиксировались вокруг шеи в виде одинарных или многорядовых низок из различных декоративных материалов. Не-

² Здесь и далее под финно-угорскими и тюркскими народами Урало-Поволжья / Волго-Уралья понимаются только перечисленные выше этносы.

**Классификация традиционных шейно-нагрудных украшений финно-угорских
и тюркских народов Урало-Поволжья [7, 9, 10 – 24, 26 – 29]**

Table

**Classification of traditional neck and breast adornments of the Finno-Ugric and Turkic peoples
of the Ural-Volga region [7, 9, 10 – 24, 26 – 29]**

Этнос (субэтнос и этнографические / этнотерриториальные группы)	Архаичный крой	Модернизированный крой	Шейно-нагрудные украшения										Нагрудник (элемент одежды)	
			Шейные		Шейно-нагрудные					Чересплечные		Нагрудные		
			1	2	3	4	5а		5б	6				
							I			II	а	б		
			A	B	7									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Завятские удмурты														
Северные (нижнечепецкие) ватка														
Северные (верхнечепецкие) ватка														
Срединные калмезы														
Срединные верхнеижско- шарканские														
Собственно-южные среднеижско- левобережные														
Собственно-южные алнашско-киясовские														
Собственно- южные граховско- южнокизнерские														
Собственно-южные северно-кизнерские														
Собственно-южные водзимоньинские														
Собственно- южные можгинско- малопургинские														
Собственно-южные бавлинские														
Собственно-южные закамские														
Бесермяне														
Горные марийцы														
Луговые уржумско- сернурские														
Луговые звениговско- моркинские														
Луговые йошкар-олинские														
Луговые северо-западные														
Восточные марийцы														
Мордва-эрзя восточная группа														
Мордва-эрзя северная группа														
Мордва-эрзя терюшевская группа														

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Мордва-эрзя северо-западная группа														
Мордва-эрзя городищенская группа														
Мордва-эрзя кузнецкая группа														
Мордва-эрзя заволжская группа														
Мордва-мокша северо-западная группа														
Мордва-мокша центральная группа														
Мордва-мокша южная группа														
Мордва-мокша юго-западная группа														
Чуваши верховые (вирьялы)														
Чуваши средненизовые (анатенчи)														
Чуваши низовые (анатри)														
Чуваши (ЭТГ: приволжские, закамские и т.д.)														
Татары-мишари темниковско-азеевские														
Татары-мишари сергачские														
Татары казанско-татарский комплекс														
Татары-кряшены заказанско-западно-закамские														
Татары-кряшены елабужские														
Татары-кряшены молькеевские														
Татары зауральские														
Башкиры северо-западные														
Башкиры северо-восточные														
Башкиры юго-западные														
Башкиры юго-восточные														
Башкиры центральные														
Башкиры восточные (зауральские)														
Башкиры самаро-иргизские														

Примечание. 1, 3 – ожерелья в одну или несколько отдельных низок; могут быть сплетены вместе; 2 – ожерелья, нашитые на основу (ткань/кожа); форма различна: прямоугольные или полуовальные полосы различной ширины («воротники»); 4 – ожерелья, нашитые на узкую основу (ткань/кожа) в виде ленты либо сплетенные в виде ленты, шнура; 5 – ожерелья, сплетенные или созданные путем нашивания на широкий и длинный кусок ткани / кожи / луба украшений; форма различна – округлые, подпрямоугольные, подовальные, полукруглые; покрыва-

ют только верхнюю часть груди, доходят до плеч или опускаются ниже живота; виды: а) цельнокроенные (I – закрывают переднюю часть шеи и грудной клетки (так называемые «нагрудники»); IA – украшения, IB – матерчатые нагрудники), II – покрывают шею, грудь, плечи и спину (так называемые оплечья, пелерины); б) комбинация из нескольких отдельных частей (сшитых или несшитых вместе); 6 – перевязи, виды: а) в виде одинарной широкой / узкой полосы; б) в виде двух полос, скрещенных вместе на спине и груди или только на спине; 7 – нагрудные украшения (фибулы и броши).

Note. 1, 3 – necklaces in one or more separate rows; can be woven together; 2 – necklaces sewn on the base (fabric, leather); the shape is different; rectangular or semi-oval stripes of different widths («collars»); 4 – necklaces sewn on the base (fabric, leather) in the form of a ribbon, or woven in the form of a ribbon, a cord; 5 – necklaces woven or created by sewing adornments on a wide and long piece of fabric / skin / lube; the shape is different – rounded, semi-rectangular, semi-oval, semi-round; cover only the upper part of the chest, reach the shoulders or descend below the abdomen; types: a) one-piece (I – cover the front of the neck and breast (so-called «breastplates»); IA – adornments, IB – cloth breastplates), II – cover the neck, chest, shoulders and back (so-called shoulder straps, pelerines); b) a combination of several separate parts (sewn together and not sewn); 6 – baldrics, types: a) in the form of a single wide / narrow strip; b) in the form of two stripes crossed together on the back and on the chest or only on the back; 7 – breast adornments (fibulae and brooches).

сколько таких низок нашивались на основу из ткани / кожи в виде «воротников» прямоугольной или полуовальной («месяцевидной») формы. Обе категории выделены Н.И. Гаген-Торн [9, с. 91] и достаточно широко представлены у всех рассматриваемых этносов (субэтносов и их отдельных этнографических подразделений) (см. таблица, № 1, 2); например, «чыртывесъ / чыртыкерттэт», «чыртуул», «йырйыл», «зака / ошет» южных удмуртов [10, рис. 88; 11, рис. 126, 220, 223, 257, 258], «качек» и «лага» бесермян [12, с. 103], «шер» (бусы), «оксан шўйш», «шўшер», «ырес кыл», «шўйыр», «яга» марийцев [13, с. 39, 40, 60, 61, 82, 135, 262, 263, 270, 302; 14, с. 201, 202], «кирьгава», «снизка / наряд», «борок», «гагатка», «лыинимкат» мордвы-эрзи [15, с. 120; 16, с. 65, 75, 84, 123, 157, рис. 39, 48, 68, 70; 17, с. 208], «каштас», «кргаежава», «тифкс», «кргавакс», «цеповка» мордвы-мокши [16, с. 243, 258, 350, 362, 363, рис. 42ж, 47з; 17, с. 264], «май сыххи», «суха» и «тенкелё суха», «тенкелё майа» чувашей [18, с. 262, 264, 266, 267; 19, с. 98, 99, 646, 647, прил. IV, рис. 8а-е, 9а, 9в-д], «якалык», «муенса» / «тамакса» татар [7, с. 42, 43, табл. XI, 5; 20, с. 139, 159 – 161]. Ожерелья из бус, кораллов, стекла, монет и блях, в том числе в виде воротников, имелись у башкир [21, с. 166 – 170].

Для определенных этносов, например, для некоторых групп удмуртов, простые шейные ожерелья из бус и иных материалов, по-видимому, были не столь характерны, как, например, для мордвы [15, с. 122]. Украшения в виде «воротников», по Н.И. Гаген-Торн, использовались для прикрытия ворота рубахи второго подтипа, которая носилась без нагрудной застежки [9, с. 91].

Наиболее разнообразны шейно-нагрудные украшения, которыми закрывали не только верхнюю часть груди, но также плечи (так называемые оплечья, пелерины), живот. Создавались с помощью различных техник: низание, плетение, нашивание на основу из ткани / кожи декоративных материалов, а также вышивка и аппликация. В данной группе выделяются несколько категорий, среди которых распространены простые ожерелья в виде свободных низок из различных материалов (см. таблица, № 3). Отличались от шейных ожерелий лишь тем, что размещались в области грудной клетки; некоторые из них использовались в качестве тесьмы к кресту. Были известны у различных групп удмуртов [10, с. 55, 85; 11, рис. 187, 222; 22, с. 66, 67], мордвы-эрзи [16, с. 47, 50, 53, 57, 74, 79, 96; 17, с. 181, 208] и мордвы-мокши [15, с. 122, 124; 16, с. 198, 199, 243; 17, с. 264, 312], марийцев [13, с. 40, 244], чу-

вашей [19, с. 99, 100, 647, прил. IV, рис. 9в – д], татар [23, с. 219 – 222] и башкир [21, с. 166 – 170]. В ряду данных украшений вызывает интерес схожее с археологическими материалами проволочное ожерелье мокши заволжской группы «сият» / «сия» с витыми спиралями из проволоки, имитирующими бронзовые пронизки [16, с. 157, рис. 98 – 101; 17, с. 246, ил. 176].

Иной конструкции ожерелья в виде узких тканых / кожаных / плетеных лент или шнуров, на которые нашивались монеты, бисер, бусы, раковины каури и т.д.; концы ленты пришивались либо сводились вместе с помощью низки бус / кожаного шнурка, либо оставались несшитыми (см. таблица, № 4): «гадигы», «быро», «чыртывесъ» / «коньдоновесъ» удмуртов [10, с. 149, рис. 77, 85; 11, рис. 95; 24, с. 50], «гайтан» / «крест ведьме» / «лента хрез» мордвы-эрзи [16, с. 47, 54, 55, 75, 79, 157; 17, с. 104, 208, 223], «горожонь крганя», «горожонь крескиле», «шафтома», «дракама» (гайтан), «ярмак пильс» мордвы-мокши [8, илл. 31 – 36; 15, с. 122, 124, 125; 16, с. 198, 221, 263; 17, с. 264, 393], «тәнгән кайтан», «цепошка», «шый аршаш» марийцев [13, с. 40, 60, 61, 64, 65, 258, 269, 270], «чепчушка», «ама», «хёрес сакки» / «хёрес кантри» чувашей [18, с. 262 – 264; 19, с. 100, 101, 645, 647, прил. IV, рис. 7б, 9е, 9ж, 10е]. Чаще такие предметы использовались в качестве подвесок к кресту / иконе, хотя происхождение их различно. Например, ярмак пильс («серьги из денег») мокши являлось головным украшением (височными подвесками), которое в начале XIX в. стали носить на груди [15, с. 122 – 124]. Бисерные аналоги известны у южных русских (с подвешенным крестом / иконкой [25, с. 733]). Украшения хантов в виде узкой ленты со свободно свисающими концами происходят от расширенных воротников и грудных разрезов женских рубах [5, с. 20, 86, рис. 3, 5].

Следующая большая категория – нагрудные ожерелья, сплетенные из бисера, бус или созданные путем нашивания на широкий и длинный кусок ткани / кожи / луба прямоугольной, округлой, подовальной формы различных декоративных материалов; закрывали только верхнюю часть груди, доходили до плеч или опускались ниже живота. Выделяются два вида таких украшений (см. таблица): 5а) цельнокроенные и 5б) комбинированные (из нескольких частей, сшитых или несшитых друг с другом). Среди цельнокроенных ожерелий (5а) известны: I) те, что закрывают только переднюю часть шеи и грудной клетки – так называемые «нагрудники» (их подвиды – собственно украшения (IA)

и матерчатые нагрудники (IB)), II) те, что охватывают практически полностью шею, грудь, плечи и спину (оплечья, пелерины). Цельнокроенные украшения (5aIA) типичны для тюрков Урало-Поволжья – татар (пирта / фирта, пету, көмеш күкрәк, түшлек, сакал, тамакса, яга или селтәр [20, с. 159 – 161; 23, с. 223 – 228]) и башкир (селтәр, сакал, / һакал, яга, муйынса, башкизеу, алмизеу и др. [21, с. 103 – 116]). Наряду с комбинированными (5б) украшениями они известны у различных групп удмуртов (чертыкыш, галэс и чигвьес, уксё тйрлык, зака / ошет и сырга и др.) [10, с. 149, 168 – 170, рис. 71, 88, 89; 11, рис. 43 – 46, 123, 187, 202, 212, 220, 222, 256, 258; 24, с. 31, 59, 80, 85, 86, 95, 103, 104, 108, 109, 117] и марийцев (в виде вертикальных узких / широких полос подпоясочной или закругленной снизу формы – ама, аршаш, шўшер, он йолва, он мучко, пийылме, шўйкш, сога и др. [13, с. 82, 134, 136, 137, 180, 210, 211, 238, 244, 260 – 263, 270; 14, с. 206, 207]). Реже они встречались у чувашей (ама, майа, шўлкеме [19, с. 103, 104, 648, прил. IV, рис. 10д, ж]) и мордвы-эрзи (бисюр коргалкст, колодка / камышка [16, с. 96, 100, 107, 156, 185]). Некоторые из них имитировали нагрудную вышивку и грудной разрез рубахи [8, с. 9; 13, с. 260 – 263] либо неширокой полосой (например, в составе комбинированного украшения) прикрывали грудной разрез платья-рубашки [9, с. 94, 95; 10, с. 149, рис. 72; 11, рис. 43 – 46, 127, 187, 222; 13, с. 136, 238; 24, с. 31].

Рассматриваемые «нагрудники» типичны для финно-угорских и тюркских народов Урало-Поволжья [9, с. 91 – 97; 26, с. 217]. Их общий признак – чешуеобразно нашитые монеты, сочетавшиеся с раковинами каури, бусами и бисером, – свидетельствует о более позднем оформлении таких роскошных изделий – в эпоху стабилизации этнической карты региона и развитого денежного обращения [26, с. 217, 218]. Основная их функция, очевидно, заключалась в демонстрации статуса и богатства своих владельцев [4, с. 14; 6, с. 124 – 126; 26, с. 218], защите от сглаза [4, с. 28]; прикрытие грудного разреза рубахи отходит на второй план.

Второй подвид цельнокроенных ожерелий (см. таблица, № 5aII) – оплечья и пелерины (полу-круглые и равные по ширине, сплетены из бисера или на тканевой основе с монетами, каури, бисером) – плотно облегли шею и спустились на плечи и грудь. Близки шейным «воротникам» и выполняли ту же функцию [9, с. 91, 92]. Встречались чаще у мордвы (цифкс / тифкс, кргань-пирф / кржавакс, комбоне, бояравань крганя, кичкор кргане [8, ил. 25, 26, 39, 41; 15, с. 119; 16, с. 123, 196, 198, 221, 243, 263, рис. 68, 70]) или чувашей (суха [19, с. 99, 650, прил. IV, рис. 9б]). Некоторую близость к ним обнаруживают ожерелья шўшер луговых марийцев северо-западной группы [13, с. 270], украшения южных великорусов и мешёры («жерёлок»), украинцев [9, с. 95, 96], а также представителей угорских народов – восточных и северных хантов, манси [5, с. 19 – 23, 86, рис. 2].

Выделяется еще один интересный вид украшений – матерчатые вышитые или аппликативные нагрудники (см. таблица, № 5aIB), – которые надевались таким же способом, как и монетные изделия – поверх рубахи второго подтипа [9, с. 84]. Функционально близки и к украшениям, и

к элементам одежды. Кроме того, у некоторых этносов (например, татар и северных удмуртов) они являлись обязательным атрибутом женского костюма [7, с. 80; 10, с. 32, 34; 22, с. 65]. Широко известны среди тюрков Волго-Уралья – татар (изу, алынча) и башкир (изеу, ука изеу, утырма унер, түшелдерек), а также у соседних финно-угорских народов – северных (кабачи и муресазь), завятских, бавлинских и закамских удмуртов (муресазь; мылазьуко / мылко), восточных марийцев (онлеведыш / көкрак) [7, с. 80, табл. XIII, 1; 10, с. 32, 34, 75, 96, 108, 109, 163, 164; 14, с. 205, 206; 23, с. 223 – 229, табл. XXVII, 1, 3; 24, с. 118; 27, с. 157]. Происхождение татарских и башкирских матерчатых нагрудников исследователи ведут от украшения грудного разреза рубахи «изу» / «изеу» [7, с. 44, 80; 9, с. 88 – 90; 27, с. 157], а появление их у различных групп удмуртов связывают с влиянием соседних тюркских народов [10, с. 108; 12, с. 46].

Одновременно с аксессуарами, надевавшимися поверх рубахи, существовали нательные нагрудники (повязки), которые являлись частью одежды (см. таблица). Все они выполнены из ткани и украшены вышивкой или аппликацией: «күкрәкчә», «түшелдрек» у татар и башкир, «кәкәрләх» чувашей, «мырашет» / «мылазькышет» закамской и «кыкрак» алнашурско-киясовской групп южных удмуртов, «муресазь» берсермян и «онлеведыш» / «көкрак» у восточных марийцев [9, с. 56, 87; 10, с. 108, 163, 164; 14, с. 162; 20, с. 75, 191; 23, с. 106 – 108; 24, с. 75, 78; 27, с. 155, 156; 28, с. 100 – 102; 29, с. 800].

Все перечисленные виды («нагрудников») Н.И. Гаген-Торн рассматривала в качестве эволюционного ряда одного предмета, связанного с «функцией защиты груди и с грудным разрезом рубахи»: матерчатый вышитый нагрудник – нагрудник, имитирующий ворот рубахи, – кусок материи / кожи, защитный декоративными материалами; вариативность использования объяснялась способом ношения рубахи [9, с. 86, 90, 91]. Однако под одним и тем же наименованием скрываются три разных аксессуара: нательная повязка, украшение и матерчатый нагрудник, функционально близкий предыдущим изделиям. Кроме того, схема генезиса и эволюции данного предмета абстрактна (создавалась путем анализа материала «целого ряда народностей» [9, с. 91]), но не абсолютна. По данным этнографии, известны примеры генезиса («нагрудников») от украшения ворота рубахи (татарские «изу» и телеутский «төштök») (?) [5, с. 89]), путем расчленения одежды (платья) на отдельные составляющие, в том числе «нагрудники» (как это, например, произошло в конце XIX – начале XX в. с кафтанчиками кавказских женщин [30, с. 136 – 146]), посредством соединения отдельных украшений или частей одежды (одна из гипотез появления тунгусских нагрудников [5, с. 89, 90]). Последнее созвучно идее Т.А. Крюковой [31, с. 37], выведившей «кабачи» северных удмуртов от съемного металлического украшения к вышитому съемному нагруднику и затем к нагрудной вышивке на рубахах, что, однако, на современном уровне археологического знания пока не подтверждается. Прямые связи удмуртских «кабачи» и различных археологических «нагрудников» [32, с. 87, 89, 91; 33, с. 161 – 163; 34, с. 668 – 672; 35, с. 87, 88] также пока не доказаны.

Редкость и исключительное оформление приближают такие изделия к украшениям костюма (праздничным или ритуальным), а не к элементам одежды.

По данным этнографии установлено, что все рассматриваемые («нагрудники») являлись, скорее, женским украшением, нежели девичьим. Вопрос о генезисе и его эволюции в Волго-Урале как альтернативы фибуле остается открытым. Показательно, что все виды рассматриваемых изделий сохранились в ареале проживания различных групп татар (за исключением, например, кряшенов) и башкир³, а также испытавших достаточно сильное влияние соседей-тюрков закавказских удмуртов или, например, восточных марийцев. Вариации использования «нагрудников» в финно-угорском костюме можно объяснить заимствованием⁴, хотя самостоятельную линию развития данных аксессуаров, видимо, исключать не следует.

Чересплетные украшения – перевязи (см. таблица, № 6а и 6б) – в виде широкой / относительно узкой ленты, расшитой декоративными материалами, известны у всех рассматриваемых этносов: удмуртов и бесермян (камали, кусильвесь, бутмар, сюмыс бырттон, сіль-сюмыс), марийцев (аршаш / девет / ямга / ва-жмалык), чувашей (тевет), татар и башкир (дәүәт, хәсита, әлмәйзек, бутмар, чапук) [7, с. 45, 46; 10, с. 55, 56, 85, 149, 170; 12, с. 103; 13, с. 45; 14, с. 207; 19, с. 104, 105; 21, с. 113, 114; 23, с. 230 – 238; 24, с. 32, 59, 80, 86, 108, 117, 120 – 123, 170]. Единственное украшение надевалось в основном на левое плечо под правую руку [9, с. 99]; перевязи из двух узких ремней у некоторых групп луговых мари (аршаш), мордвы-эрзи (ожа нучка) и мордвы-мокши (кичкор / крёскал) носились перекрещенными на спине [13, с. 180, 181; 16, с. 96, 221; 17, с. 136; 36, с. 45].

Татары и башкиры (мусульмане) привязывали к своим украшениям амулеты («бети»), от которых, очевидно, происходят перевязи [7, с. 46; 9, с. 99 – 101; 12, с. 78; 21, с. 114, 115]. Появление такого украшения у удмуртов и бесермян, а также у восточных марийцев объясняют влиянием соседних тюркских народов [12, с. 78; 14, с. 207; 24, с. 120 – 123]. Иного мнения придерживалась Т.А. Крюкова, считавшая перевязи без амулетов более древним нагрудным украшением, указывающим на давние тесные этнокультурные связи финно-угров и тюрков в Урало-Поволжском

³ Аналоги башкирским «нагрудникам» известны среди нагрудных украшений ряда алтайских народов [5, с. 66, 67, 90; 26, с. 217].

⁴ Из всех известных («нагрудников») у финно-угорских народов Урало-Поволжья особенно архаичными выглядят матерчатые вышитые кабаки северных удмуртов. Не сомневаясь в древности данных атрибутов женского костюма, стоит, однако, обратить внимание на два факта, о которых упоминает И.А. Косарева: во-первых, сам термин, обозначающий («нагрудник») у косинских и слободских ватка, имеет явно тюркское (булгарское?) происхождение [10, с. 65, 75, 108, 156]. Во-вторых, грудной разрез женских рубах косинских ватка (в прошлом, очевидно, и слободских удмуртов), который закрывался кабаки, был сдвинут вправо, как на рубашках луговых марийцев, а также на мужских рубахах коми, что считается архаичным признаком [24, с.100]. Когда и по какой причине удмуртки стали прикрывать такой разрез цельным куском ткани (и что было вместо него) – еще предстоит выяснить. Однако луговые марийки, например, вплоть до современности скрепляли его фибулами [13, с. 110 – 111; 36, фоторепродукция № 14].

регионе [37, с. 122, 123]. Любопытно, что к востоку от Урала данные украшения были зафиксированы у васюганских хантов и забайкальских бурят; последние также использовали перевязь как амулет [5, с. 86, 89].

Нагрудные украшения немногочисленны: броши, застежки («каптырма»), а также фибулы (см. таблица, № 7). Броши были известны у татар и башкир в различных вариациях и появились лишь в конце XIX – начале XX в. под влиянием общегородской моды [7, с. 40, 82, таблица XII; 27, с. 152].

Древнейшими нагрудными украшениями – «подковообразными» фибулами в виде согнутого медного кольца с подвижной булавкой [9, с. 77, 78; 15, с. 115, 117] – народы Поволжья скрепляли грудной разрез рубах первого (мордва-эрзя) и второго (мордва-мокша, марийцы, чуваша) подтипов. Для мордовских фибул [9, с. 77 – 82; 15, с. 111 – 117; 16, с. 47, 104; 17, с. 21] характерна простая кольцевая сюльгама (морд. *сялгомс* – «приколоть») с несомкнутыми концами и подвижной иглой. Она типична для мордвы-эрзи и представляет собой кольцо диаметром 5 – 10 см, концы которого всегда носились вверх, а к низу подвешивались различные подвески из декоративных материалов длиной от 6 – 7 до 20 см. Мокшанская сюльгама имела ту же овальную дугу с подвижной иглой, но концы дуги в виде смыкающихся лопастей были опущены вниз. Лицевая сторона лопастей украшалась геометрическим орнаментом; по краям привешивались колечки для подвесок, форма которых приближалась к трапеции. Размеры такой сюльгамы составляли 7 – 8 x 12 – 15 см, подвески – 11 – 12 см. У различных этнографических групп эрзи и мокши существовали свои вариации декорирования сюльгам. К тому же большие экземпляры с роскошными подвесками носили молодые женщины и девушки, которые прятали саму фибулу под воротником или ожерельем. Некоторые группы мордвы-эрзи скрепляли сверху ворот малой фибулой, а ниже подвешивали украшение с подвесками. А вот пожилые женщины обычно скалывали грудной разрез простыми сюльгамами, без подвесок. Данное украшение входило в состав свадебного приданого. Изготавливали его местные сельские мастерицы.

Простые овальные фибулы луговых мари (уржумско-сернурских) – «ширкама» – также нередко украшались подвесками из различных материалов (праздничный вариант) [6, с. 99 – 114; 13, с. 40, 82, 180; 14, с. 202 – 205; 36, с. 45, рис. 24, фото 9]. У звениговско-моркинской группы («почкама») с трапециевидными лопастями, схожая с мордовскими фибулами, помещалась по центру кожаной подтрапециевидной привески, зашитой монетами, бисером и т.д. У горномарийских женщин она имела прямоугольную форму; во время праздников и обрядов часто надевали две такие застежки. Для восточных марийцев были характерны круглые ажурные «ширкама» диаметром 6 – 7 см без подвесок. Для застегивания ворота марийки использовали несколько сюльгам. Как правило, наибольшее их количество приходилось на возрастные группы девушек и женщин (2 – 4), меньше – для девочек и старух (1 – 2).

Фибулы («почкама») горных и луговых марийцев на кожаной подвеске в процессе длительной эволюции превратились из простой застежки в массивные нагрудные украшения [36,

с. 45], которые очень схожи с «нагрудниками». Такие же аксессуары (сурпан сакки) бытовали у чувашей [9, с. 83, 84, 97; 18, с. 262, 263, 267, 271, 275, 280, 281; 19, с. 101 – 103] в качестве подвески к полотняному головному убору; застежка, аналогичная горномарийской и мордовской (с лопастью), называлась «сеҫтенкё». Форма привески, украшенной монетами, бусами и бисером, раковинами каури, различалась у разных групп чувашей: прямоугольная, подтреугольная / трапециевидная, в виде нагрудной подвески с медными цепочками, с ажурной бисерной сетью. Маленькое кольцо «сеҫтенкё» не могло удержать тяжелой привески; укрепляли ее на шее с помощью ремня. Девушки носили одну кожаную подвеску без фибулы (шўлкеме), тогда как замужние женщины подвешивали оба украшения вместе.

• Заключение

Систематизация массива традиционных шейно-нагрудных украшений представительного ряда финно-угорских и тюркских народов Урало-Поволжья позволила выделить несколько общих категорий, среди которых известны: 1) простые в одну-несколько низок шейные и шейно-нагрудные ожерелья; 2) шейные и шейно-нагрудные ожерелья из декоративных материалов, нашитых на узкую (в виде ленты) или широкую (так называемые «нагрудники») органическую основу; 3) чересплетные украшения; 4) нагрудные застежки.

Для каждого из рассматриваемых народов был характерен свой набор украшений (см. таблицу). Достаточно четко прослеживается дифференциация «фибула – нагрудник», выявленная Н.И. Гаген-Торн на этнографических материалах Среднего Поволжья [5]. Кроме того, важным представляется наблюдение И. Лехтинен о дополнении вышивки и украшений: если вышивки было много – ассортимент украшений менее разнообразен, и наоборот [4, s. 7]. Это заметно, например, в костюме северных удмуртов (косинских и слободских ватка), у которых вплоть до наших дней сохранялся архаичный облик одежды [10, с. 23 – 101]. В качестве определенной тенденции также уловима связь богатых шейно-нагрудных ожерелий (роскошных монетных «нагрудников») с модернизированным кроем рубахи (см. таблицу).

Определение времени возникновения каждой категории шейно-нагрудных украшений затруднено на сегодняшний день культурными наслоениями и событиями различных эпох. Отдельные культурно-хронологические связи при условии следования методически выверенным алгоритмам и тщательным наблюдениям за источником, очевидно, могут быть прослежены вглубь веков при анализе более раннего археологического материала. Настоящая работа является первым опытом обобщения традиционных шейно-нагрудных украшений финно-угорских и тюркских народов Урало-Поволжья. Автор ставит перед собой задачу использовать полученные наблюдения для реконструкции женского убора населения Среднего Прикамья III – V вв. н. э.

• Литература

1. Напольских, В.В. Очерки по этнической истории / В.В. Напольских. – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. – 648 с.
2. Байбурун, А.К. Семантические аспекты функционирования вещей / А.К. Байбурун // Этнографическое изучение знаковых систем культуры. – Ленинград: Наука, 1989. – С. 63 – 88.
3. Кузеев, Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю / Р.Г. Кузеев. – Москва: Наука, 1992. 344 с.
4. Lehtinen I. Naisten korut Keski-Venäjällä ja Länsi-Siperiassa [Women's jewellery in Central Russia and Western Siberia]. Museovirasto, 1979. – 209 p.
5. Михайлова, Е.А. Съёмные украшения народов Сибири / Е.А. Михайлова // Украшения народов Сибири: сборник МАЭ. Т. II. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2006. – С. 12 – 119.
6. Заднепровская, А.Ю. Традиционные украшения народов Среднего Поволжья (вторая пол. XIX – первая четв. XX вв.): дис. канд. ист. наук / А.Ю. Заднепровская. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 1992. – 210 с.
7. Сулова, С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX в.: историко-этнографическое исследование / С.В. Сулова. – Москва: Наука, 1980. – 123 с.
8. Заднепровская, А.Ю. Мордовские украшения: каталог / А.Ю. Заднепровская. – Ленинград: [б. и.], 1988. – 112 с.
9. Гаген-Торн, Н.И. Женская одежда народов Поволжья / Н.И. Гаген-Торн. – Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1960. – 234 с.
10. Косарева, И.А. Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX – начале XX в.: монография / И.А. Косарев. – Ижевск: УИИ-ЯЛ УрО РАН, 2000. – 226 с.
11. Косарева, И.А. Этнографические группы удмуртского народа (опыт выделения). Ч. 2. Карты. Иллюстрации / И.А. Косарева // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 2017. – Т. 37. – № 2. – 187 с.
12. Белицер, В.Н. Народная одежда удмуртов: материалы к этногенезу / В.Н. Белицер. – Москва: Изд-во АН СССР, 1951. – 140 с.
13. Молотова, Т.А. Марийский костюм / Т.А. Молотова. – Йошкар-Ола: [б.и.], 2020. – 383 с.
14. Сепеев, Г.А. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.) / Г.А. Сепеев. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1975. – 249 с.
15. Белицер, В.Н. Народная одежда мордвы / В.Н. Белицер. – Москва: Наука, 1973. – 214 с.
16. Прокина, Т.П. Мордовский народный костюм / Т.П. Прокина, М.И. Сурина. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1990. – 382 с.
17. Прокина, Т.П. Мордовский народный костюм: [альбом] / Т.П. Прокина. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2007. – 464 с.
18. Чуваша / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Чувашский государственный институт гуманитарных наук;

- отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова. – Москва: Наука, 2017. – 654 с.
19. Ягафова, Е.А. Формирование и традиционная культура этнотерриториальных групп чувашей в Урало-Поволжье: XVII – начало XX вв.: дис. ... докт. ист. наук / Е.А. Ягафова. – Самара: СГПУ, 2004. – 316 с.
  20. Суслова, С.В. Татарский костюм: историко-этнологическое исследование / С.В. Суслова. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2018. – 239 с.
  21. Шитова, С.Н. Башкирская народная одежда / С.Н. Шитова. – Уфа: Китап, 1995. – 240 с.
  22. Лебедева, С.Х. Удмурт калык дыськут = Удмуртская народная одежда = Udmurt Folk Costume / С.Х. Лебедева. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 204 с.
  23. Суслова, С.В. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа / С.В. Суслова, Р.Г. Мухамедова. – Казань: Фэн, 2000. – 312 с.
  24. Косарева, И.А. Этнографические группы удмуртского народа (опыт выделения). Ч. 1. / И.А. Косарева // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 2017. – Т. 37. – № 2. – 195 с.
  25. Маслова, Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX в. – начале XX в. / Г.С. Маслова // Восточнославянский этнографический сборник. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – С. 543 – 757.
  26. Авижанская, С.А. Декоративно-прикладное искусство башкир / С.А. Авижанская, Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев. – Уфа: [б.и.], 1964. – 259 с.
  27. Руденко, С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки / С.И. Руденко. – Уфа: Китап, 2006. – 373 с.
  28. Захарова-Кульева, Н.И. О чувашском нагруднике какйрлӑх // Чувашский Национальный музей: люди, события, факты: материалы XVII Петровских чтений / Н.И. Захарова-Кульева. – 2018. – № 13. – С. 100 – 102.
  29. Косарева, И.А. Удмуртско-тюркское этнокультурное взаимодействие и бесермянская проблематика в свете полевых исследований последнего времени / И.А. Косарева // Вестник Удмуртского университета. – 2021. – Т. 31. – № 4. – С. 797 – 804.
  30. Студенецкая, Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII – XX вв. / Е.Н. Студенецкая. – Москва: Наука, 1989. – 288 с.
  31. Крюкова, Т.А. Удмуртское народное изобразительное искусство = Удмурт калыклэн киуж устолькез / Т.А. Крюкова. – Ижевск–Ленинград: Удмуртия, 1973. – 158 с.
  32. Генинг, В.Ф. Азелинская культура III – V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов / В.Ф. Генинг // Вопросы археологии Урала. Вып.5. – Свердловск – Ижевск: УрГУ, 1963. – 187 с.
  33. Генинг, В.Ф. История Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1 / В.Ф. Генинг // Вопросы археологии Урала. Вып.10. – Свердловск – Ижевск: [б.и.], 1970. – 224 с.
  34. Лещинская, Н.А. Жертвенный комплекс погребения 33 Тат-боярского могильника еманавской археологической культуры: информационный потенциал / Н.А. Лещинская // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2021. – Т.15. – № 4. – С. 668 – 682.
  35. Файзуллина, Д.Ф. Элементы костюма населения Волго-Камья раннего железного века как начальная точка формирования традиционного костюма народов финно-угорской языковой семьи / Д.Ф. Файзуллина // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2010. – № 4. – С. 85 – 92.
  36. Молотова, Т.Л. Марийский народный костюм / Т.Л. Молотова. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992. – 108 с.
  37. Крюкова, Т.А. Материальная культура марийцев как один из источников решения вопроса об этногенезе / Т.А. Крюкова // Происхождение марийского народа: материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23 – 25 декабря 1965 г.). – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1967. – С. 119 – 124.

• References

1. Napol'skikh, V.V. Ocherki po etnicheskoi istorii [Essays on ethnic history] / V.V. Napol'skikh. – Kazan: "Kazanskaya nedvizhimost'" ["Kazan real estate"] Publ, House], 2015. – 648 p.
2. Baiburin, A.K. Semioticheskie aspekty funkcionirovaniya veshchei [Semiotic aspects of the functioning of things] / A.K. Baiburin // Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sistem kul'tury [Ethnographic study of symbolic cultural systems]. – Leningrad: Nauka, 1989. – P. 63 – 88.
3. Kuzeev, R.G. Narody Srednego Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala: Etnogeneticheskii vzglyad na istoriyu [The Peoples of the Middle-Volga and South-Urals Regions: an Ethnogenetic View of History] / R.G. Kuzeev. – Moscow: Nauka, 1992. – 344 p.
4. Lehtinen I. Naisten korut Keski-Venäjällä ja Länsi-Siperiassa [Women's jewellery in Central Russia and Western Siberia]. Museovirasto, 1979. – 209 p.
5. Mikhailova, E.A. S'emnye ukrasheniya narodov Sibiri [Removable adornments of the peoples of Siberia] / E.A. Mikhailova // Ukrasheniya narodov Sibiri [Adornments of the peoples of Siberia]. – Vol. LI. – St.Petersburg: Museum of Archaeology and Ethnography, RAS (MAE RAS), 2006. – P. 12 – 119.
6. Zadneprovskaya, A.Yu. Traditsionnye ukrasheniya narodov Srednego Povolzh'ya (vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert` XX vekov) [Traditional adornments of the peoples of the Middle Volga region (second half of the XIX – first quarter of the XX centuries)]: Diss.... Cand. Sci. (History) / A.Yu.Zadneprovskaya. – St. Petersburg: MAE RAS, 1992. – 210 p.
7. Suslova, S.V. Zhenskie ukrasheniya kazanskikh tatar serediny XIX – nachala XX v.: istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Women's adornments of Kazan Tatars of the mid-XIX – early XX centuries: historical and ethnographic research] / S.V. Suslova. – Moscow: Nauka, 1980. – 123 p.
8. Zadneprovskaya, A.Yu. Mordovskie ukrasheniya: katalog [Mordovian adornments] / A.Yu. Zadneprovskaya. – Leningrad, 1988. – 112 p.
9. Gagen-Torn, N.I. Zhenskaya odezhda narodov Povolzh'ya [Women's clothing of the peoples of

- the Volga region] / N.I. Gagen-Torn. – Cheboksary: Chuvash State Publ., 1960. – 234 p.
10. Kosareva, I.A. Traditsionnaya zhenskaya odezhda periferiinykh grupp udmurtov (kosinskoi, slobodskoi, kukmorskoi, shoshminskoi, zakamskoi) v kontse XIX – nachale XX v. [Traditional women's clothing of the peripheral groups of Udmurts (Kosinskaya, Sloboda, Kukmorskaya, Shoshminskaya, Zakamskaya) in the late XIX – early XX centuries] / I.A. Kosareva. – Izhevsk: Udmurt Inst. of History, Language and Literature, RAS, 2000. – 226 p.
  11. Kosareva, I.A. Etnograficheskie gruppy udmurtskogo naroda (opyt vydeleniya) [Ethnographic groups of the Udmurt people (separation experience)]. Part II. Maps. Illustrations / I.A. Kosareva // Proc. of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. 2017. – Vol. 37. – No. 2. – 187 p.
  12. Belits'er, V.N. Narodnaya odezhda udmurtov: materialy k etnogenezu [Folk clothes of the Udmurts (materials for ethnogenesis)] / V.N. Belits'er. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1951. – 140 p.
  13. Molotova, T.L. Mariiskii kostyum [Mari costume] / T.L. Molotova. – Ioshkar Ola, 2020. – 383 p.
  14. Sepeev, G.A. Vostochnye mariitsy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury (seredina XIX – nachalo XX vekov) [The Eastern Mari. Historical and ethnographic studies of material culture (mid-XIX – early XX centuries)] / G.A. Sepeev. – Ioshkar Ola: Mari Book Publ. House, 1975. – 249 p.
  15. Belits'er, V.N. Narodnaya odezhda mordvy [Mordovian folk clothes] / V.N. Belits'er. – Moscow: Nauka, 1973. – 214 p.
  16. Prokina, T.P. Mordovskii narodnyi kostyum [Mordovian folk costume] / T.P. Prokina, M.I. Surina. – Saransk: Mordovian Book Publ. House, 1990. – 382 p.
  17. Prokina, T.P. Mordovskii narodnyi kostyum [Mordovian folk costume] album / T.P. Prokina. – Saransk: Mordovian Book Publ. House, 2007. – 464 p.
  18. Chuvashi [The Chuvash people] / Miklukho-Maklay Inst. of Ethnology and Anthropology, RAS; Chuvash State Inst. of Humanities; Eds. V.P. Ivanov, A.D. Korostelev, E.A. Yagafova. – Moscow: Nauka, 2017. – 654 p.
  19. Yagafova, E.A. Formirovanie i traditsionnaya kul'tura etnoterritorial'nykh grupp chuvashei v Uralo-Povolzh'e: XVII – nachalo XX vekov [Formation and traditional culture of ethnoterritorial groups of the Chuvash in the Ural-Volga region: XVII – early XX centuries] : Diss... Dr. Sci. (History). / E.A. Yagafova. – Samara: Samara State Pedagogical Univ., 2004. – 316 p.
  20. Suslova, S.V. Tatarskii kostyum: istoriko-etnologicheskoe issledovanie [Tatar costume: Historical and ethnological research] / S.V. Suslova. – Kazan: Tatar Book Publ. House, 2018. – 239 p.
  21. Shitova, S.N. Bashkirskaia narodnaya odezhda [Bashkir folk clothes] / S.N. Shitova. – Ufa: Kitap, 1995. – 240 p.
  22. Lebedeva, S.Kh. Udmurt kalyk dis'kut = Udmurtskaya narodnaya odezhda [Udmurt Folk Costume] / S.Kh. Lebedeva. – Izhevsk: Udmurtiya, 2008. – 204 p.
  23. Suslova S.V. Narodnyi kostyum tatar Povolzh'ya i Urala (seredina XIX – nachalo XX vekov). Istoriko-etnograficheskii atlas tatarskogo naroda [Folk costume of the Volga and Ural Tatars (mid-XIX – early XX centuries)]. Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar people] / S.V. Suslova, R.G. Mukhamedova. – Kazan: Fen, 2000. – 312 p.
  24. Kosareva, I.A. Etnograficheskie gruppy udmurtskogo naroda (opyt vydeleniya) [Ethnographic groups of the Udmurt people (separation experience)]. Part I. / I.A. Kosareva // Izvestiya obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete [Proc. of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University]. – 2017. – Vol. 37. – No. 2. – 195 p.
  25. Maslova, G.S. Narodnaya odezhda russkikh, ukrainsev i belorusov v XIX v. – nachale XX v. [Folk clothes of the Russians, Ukrainians and Belarusians in the XIX – early XX centuries] / G.S. Maslova // Vostochnoslavianskii etnograficheskii sbornik [East Slavic Ethnographic Collection]. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1956. – P. 543 – 757.
  26. Avizhanskaya, S.A. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo bashkir [Bashkir decorative-applied arts] / S.A. Avizhanskaya, N.V. Bikbulatov, R.G. Kuzeev. – Ufa, 1964. – 259 p.
  27. Rudenko, S.I. Bashkiry: istoriko-etnograficheskie ocherki [The Bashkirs: Historical and ethnographic essays] / S.I. Rudenko. – Ufa: Kitap, 2006. – 373 p.
  28. Zakharova-Kulyeva, N.I. O chuvashskom nagrudnike kakärläkh [About the Chuvash breastplate kakärläkh] // Chuvashskii Natsional'nyi muzei: lyudi, sobytiya, fakty. Materialy XVII Petrovskikh chtenii [Chuvash National Museum: people, events, facts. Materials of the XVII Peter's Readings] / N.I. Zakharova-Kulyeva. – 2018. – № 13. – P. 100 – 102.
  29. Kosareva, I.A. Udmurtsko-tyurkskoe etnokul'turnoe vzaimodeistvie i besemyanskaya problematika v svete polevykh issledovaniy poslednego vremeni [Udmurt-Turkic ethno-cultural interaction and the Besemyan problem in the light of the latest field research] / I.A. Kosareva // Bull. of the Udmurt University. – 2021. – Vol. 31. – No. 4. – P. 797 – 804.
  30. Studenetskaya, E.N. Odezhda narodov Severnogo Kavkaza. XVIII–XX vv. [Clothing of the Peoples of the North Caucasus. XVIII–XX centuries] / E.N. Studenetskaya. – Moscow: Nauka, 1989. – 288 p.
  31. Kryukova, T.A. Udmurtskoe narodnoe izobrazitel'noe iskusstvo = Udmurt kalyklyen kiuzh ustolykez [Udmurt fine art] / T.A. Kryukova. – Izhevsk-Leningrad: Udmurtiya, 1973. – 158 p.
  32. Gening, V.F. Azelinskaya kul'tura III–V vekov. Ocherki istorii Vyatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleniya narodov [Azelin Culture of the III – V centuries: Essays on History of the Vyatka Area during the Great Migrations Epoch] / V.F. Gening // Problems of the Ural Archaeology. Issue 5. – Sverdlovsk-Izhevsk, Ural State University Publ., 1963. – 187 p.
  33. Gening, V.F. Istoriya Udmurtskogo Prikam'ya v p'yanoborskuyu epokhu [History of the Udmurt Kama area in the Pianobor era]. Part I. / V.F. Gening // Problems of the Ural Archaeology. Issue 10. – Sverdlovsk-Izhevsk, 1970. – 224 p.
  34. Leshchinskaya, N.A. Zhervennyi kompleks pogrebeniya 33 Tat-boyarskogo mogil'nika emanaevskoi arkhologicheskoi kul'tury: informatsionnyi potentsial [Sacrificial burial complex 33 of Tat-Boyar burial ground of the Emanaevo archeological culture: information potential] /

- N.A.Leshchinskaya // Yearbook of Finno-Ugric Studies. – 2021. – Vol. 15. – № 4. – P. 668 – 682.
35. Faizullina, D.F. Elementy kostyuma naseleniya Volgo-Kam'ya rannego zheleznogo veka kak nachal'naya tochka formirovaniya traditsionnogo kostyuma narodov finno-ugorskoj yazyk-ovoi sem'i [Costume elements of Volga-Kama people of the Early Iron age as a start point of traditional costume formation of the peoples of the Finno-Ugric language family] / D.F.Faizullina // Yearbook of Finno-Ugric Studies. – 2010. – № 4. – P. 85 – 92.
36. Molotova, T.L. Mariiskii narodnyi kostyum [Mari folk costume] / T.L.Molotova. – Ioshkar Ola: Mari Book Publ. House, 1992. – 108 p.
37. Kryukova, T.A. Material'naya kul'tura mariitsev kak odin iz istochnikov resheniya voprosa ob et-

nogeneze [Material culture of the Mari people as one of the sources of solving the problem of ethnogenesis] / T.A.Kryukova // Proiskhozhdenie mariiskogo naroda: Materialy Nauchnoi sessii, provedennoi Mariiskim nauchno-issledovatel'skim institutom chzyka, literatury i istorii. (23-25 dekabrya 1965 g.) [Origins of the Mari People: Materials of Sci. session of the Mari Research Inst. of Language, Literature and History (December 23-25, 1965)]. – Ioshkar Ola: [Marknigoizdat] Mari Book Publ., 1967. – P. 119 – 124.

Статья поступила в редакцию 02.02.2022
The Editorial Office received the paper on 02.02.2022